
Александр Эоцен
Счастливое детство Мираша

Александр Эоцен

Счастливое детство Мираша

«Автор»
2026

Эоцен А.

Счастливое детство Мираша / А. Эоцен — «Автор», 2026

Новая встреча с героями книги «Сонные Коты». Обаятельный пёс Мираш рассказывает о своей семье, о детстве, когда он ещё не встретил волчицу Грози. Таинственная связь Мираша с хозяином Никитой настолько сильная, что даже во сне они вместе. Они попадают в чудесные миры, где возможности безграничны, заглядывают в будущее и разгадывают тайны.

© Эоцен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Наша с Никитой тайна 5
Моя тёплая шуба 10
Чудесная исцеляющая сила 13
Кимберлитовая трубка 16
Портрет 19
Любимая корова Пестроня 22
Эволюция 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Александр Эоцен
Счастливое детство Мираша

Наша с Никитой тайна

Я совсем щенком был, когда Никита меня от неминучей гибели спас. Тонул я в Нюнельге, и он не просто протянул лапу помощи, а за мной в ледяную воду бросился. Жизнью рисковал, не испугался в самое весеннее половодье, когда вода бурлит и сносит. Ради меня. И вот теперь я эти строчки карябаю, и вся мордаха мокрая. Утираешь лапой, размазываешь, а слёзы всё равно капают и капают на бумагу.

Меня хотели Герасимом назвать, как главного героя дедушки Тургенева. Это который маленькую собачку Муму любил, но пошёл на поводке вздорной барыни. Там водная стихия тоже решающую роль сыграла… К счастью, Эля, младшая сестрёнка Никиты, вовремя подсказала, и дали мне имя Мираш. Ну, в честь какого-то великого и ужасного… наверно. Имя мне сразу понравилось, солидное такое, надёжное, не какой-нибудь Бобик или Тузик — котам на смех.

Я, естественно, семью не разочаровал. Ох и смышлястый оказался! К зиме оброс длинной шерстью, весь такой рыженький, нарядный стал. Особенно хвост сильно распушился. Команды слёту разучил, даже дрессировать не пришлось. А ещё я и читать, и писать научился, музыку люблю и науки разные. Правда, об этом никто не знает, ну, пока... Но все чувствуют и понимают: необычный пёс растёт, которому предначертано великое будущее...

Никита всерьёз настроился, чтобы обо мне весь мир узнал. Он необычные фото и видео в интернет выкладывает, где я какой-нибудь подвиг совершаю. То из горящего дома крокодила выношу, то спасаю кота из бурлящего потока, что в принципе быть не может. Расчищаю завалы после землетрясения, и огромные булыжники и плиты летят во все стороны, как пушинки. А ещё я вытянул провалившийся в колодец сундук с золотом, перевёл через оживлённую трассу белую медведицу с медвежатами — и всё такое. И вот мы так прославились, что у нас уже восемьдесят подписчиков.

Однажды Никита показал друзьям странное видео, где акулы, как бродячие собаки, по городским улицам плавают, в мусорных бачках роятся. А потом мы с Никитой появились такие в кадре и стали этих акул палтусом и чёрной икрой с рук кормить. Ну, Никита кормил, а я следил, чтобы всем поровну досталось. Никита каждую акулу по имени называл — Мухтар, Кукуся, Дик и Челюся.

— И чео это? — позеленел от зависти долговязый Славик. — И где ты такой ролик взял?

— Да так, в город ездили… — скромно потупился Никита.

— Да ладно, нейросеть по-любому, — скривился пухлый Вадик.

Хозяин снисходительно отмахнулся:

— Ну, нейросеть, и что? Зато я всё взаправду видел. В будущем…

— Ну да, акулы по воздуху летают! Во даёт! — усмехнулся Олег, у которого папа директор школы.

— Не летают, а плавают. Это мои акулы… — важно объяснял Никита. — Я их специально с помощью генетики вывел. На них гравитация не действует, и они воздухом дышат.

— Чео? Во врать! — скривился Славик.

Я недовольно зарычал, а Никита снисходительно улыбнулся.

— Я обязательно учёным-генетиком стану. В будущем люди моих акул приучили, как собак. Потом дворовые акулы появились, бездомные. Они добрые и ручные, если с ними по-хорошему.

— И что, ни на кого не нападают?

Никита напустил на себя важности.

— Ну… они только меня слушаются. Мне там один дядя не понравился, мутный какой-то и злой, всех обижал. Они его погрызли чуток…

Никите почему-то никто не поверил, но я сразу понял, что хозяин просто так говорить не будет. И вскоре мне в лапы пришло подтверждение. После каникул Никита такое сочинение написал, что учительница литературы Лидия Семёновна рассердилась и двойку поставила. Ну, «Как я провёл лето». Родителей в школу вызвала. Правда, потом на три с минусом переправила. Мол, ошибок много и «чересчур бурная фантазия».

Это сочинение я всем показываю, потому что оно сыграло в моей жизни судьбоносную роль. Вот сами посудите. Я подправил немного, отредактировал, но общая картина сильно не пострадала.

«В июле мы всей семьёй на море отдыхали, в Евпатории. Взяли с собой Мираша, корову Пестроню и всех наших индюков, курей, гусей и кроликов, барашков и поросят. Только кота Ардалиона дома оставили. Ему места в самолёте не нашлось.

На море мы с умными дельфинами познакомились. Я научил их в интернет выходить и показал, как подключиться к оптико-волоконному кабелю, который на морском дне лежит. Очень удобно и платить не надо. А с электричеством у дельфинов проблем нет. Они электрических угрей и скатов используют.

В благодарность дельфины нас по морю катали. Бесплатно. Особенно мы с одним афалиной подружились. У него очень сложное и длинное имя в ультразвуковом диапазоне, и мы договорились, что будем его просто Афалина звать. Он меня по-дельфиньи научил плавать и нырять на большую глубину. И Мираша тоже научил. Раньше он только по-собачьи умел.

Однажды утром мы катались с Мирашом наперегонки верхом на дельфинах. Наши купались недалеко от берега, а кролики, барашки и поросята плескались на мелководье в тёплой морской воде. Гуси и утки вообще далеко от берега заплыли. Вдруг смотрю: огромная белая акула на меня несётся, кархародон. Это самая акула-людоед, которая всё время высматривает, как бы у кого-нибудь что-то откусить. Мой дельфин испугался, и я растерялся. А Мираш —

вот молодчина! — сразу залаял, чтобы все скорей на берег выбирались, и на Афалине наперерез акуле кинулся.

Акула моего дельфина сильно поранила, а я в воде очутился. Облизываясь, она разъявила свою страшную огроменную пасть и на меня ринулась. Такие страшные зубы — у меня от страха сердце остановилось. И тут Мираш вцепился ей в бок. Акула прям завизжала! Она так бешено билась и яростно молотила хвостом, что вода вокруг вскипела! И тут уж я не растерялся и со всей силы ударил акулу по носу. Она сразу сознание потеряла. Но через секунду очнулась и, жалостливо скуля, скрылась в пучине морской.

А Мираш так и не разжал челюсти. Я думал, его больше не увижу, но через полчаса он всплыл на поверхность кверху пузом… Живой и здоровый. Сказал, что на километровой глубине сжалился и отпустил акулу восвояси.

Мы ещё неделю на море отдыхали и даже помогли дельфинам трёх маленьких акулят поймать. Чтобы приручить».

Вот такое сочинение Никита написал. И что здесь плохого? А Лидия Семёновна сказала, что Никита фантазёр и обманщик. Дескать, надо писать по существу, что на самом деле было.

А вот на меня это сочинение произвело слапсшибательный эффект! Словно я нашёл себя, своё предназначение… После этого мне стали сниться невероятные сны, очень реалистичные и красочные. Проснёшься, и как будто всё на самом деле было. Каждую деталь отчётливо помнишь, и даже мысли помнишь, о чём думал, что во снах совсем не бывает. И сон с дельфинами мне тоже приснился. Вот как Никита написал, так всё и было! Точь-в-точь!

Там ещё много интересного случилось, о чём Никита умолчал. Дельфины нас вообще просили остаться. Ну, после того как мы ловко с акулой расправились.

— Если бы вы знали, как мы устали от акул этих! — жаловался Афалина. — У нас недавно талантливый молодой дельфин погиб, вундеркинд. По математике и физике ему равных не было. Потрясающие способности! Он даже разгадал парадокс ультразвуковой дисперсии.

— Думали, он прославит нашу дельфинью цивилизацию, а какая-то примитивная, тупорылая акула его слопала, — добавил Элиот, брат Афалины. — Ей что гениального дельфина съесть, что мурену.

Никита грустно покачал головой и сказал, что это невозможно.

— Ну, тогда отдай нам хоть Мираша, — взмолились дельфины. — Он наших детей защищать будет.

— Не могу, без Мираша я сам погибну, — вздохнул Никита. — Да и нельзя ему всё время в воде... Вам нужно своих морских собак приручить.

— Да мы пытались уже, — махнул плавником Афалина. — Были у нас морские львы и леопарды, но, к сожалению, преданных охранников из них не получилось.

— Что же тут удивительного? — снисходительно оскалился я. — Львы и леопарды — это кошачья порода, а из кошачьих никакая преданная собака получиться не может! Это абсурд!

— Мираш, не преувеличивай, — не согласился Никита. — Кошки тоже хорошие бывают. А вообще… я думаю, вам надо акул воспитывать.

— Как акул? — оторопели дельфины. — Как это возможно? Они же изверги!

— Да, но только из них настоящие морские собаки получатся.

— У них зубы страшные! Они никогда не станут добрыми и послушными!

— Ну и что? — улыбнулся Никита. — У моего Мираша тоже зубы страшные, и ничего… Ну-ка, Мираш, покажи клыки!

Я оскалился по-волчьи и зарычал. Дельфины так и отпрянули.

— Видели какие… — с гордостью сказал хозяин. — Клыки ужасные, а Мирашек самый добрый пёс на свете. Такими и акулы могут быть. Не в зубах дело, а в воспитании.

— Но это невозможно! — волновались дельфины. — Акулы — это чудовища! Безжалостные убийцы, не знающие ни жалости, ни сострадания!

— У нас волки тоже безжалостные и жестокие, а мы из них добрых и преданных собак вывели, — сказал Никита. — Нужно только время и терпение.

— А главное, любовь и доброта, — добавил я. — Нельзя бить акулу, когда она ещё щенок. Если акулёнка не обижать, он потом всем своим сердцем любить будет. Как я, например…

Никита одобряюще улыбнулся и погладил меня.

— И всё же это странно, — озадаченно произнёс Афалина. — Мы ведь с акулами лютые враги.

— Таков уж парадокс жизни, — мудро изрёк я. — Злейшие враги становятся самыми преданными друзьями, а верные друзья, бывает, и предают. Только настоящий разум способен приручить врага. Тем более завоевать его любовь.

Никита посмотрел на меня с гордостью и восхитился:

— Ну, ты даёшь, Мираш! Я знал, что ты у меня умный, но настолько!..

Я вздохнул и скромно потупился.

— Они нас и слушать не станут, — сомневались дельфины. — Сколько акулу ни корми, она всё в море смотрит.

— Да нет, это проще простого, — заверил Никита. — Надо только с самого рождения акулёнка брать, когда он ещё дельфинами не начал питаться… И воспитывать в дельфиньей семье, окружив любовью и добротой. И обязательно вскормить дельфиньим молоком.

— Так ведь акулы молоком не питаются, — простонала Альбина, невеста Афалины. — Они рыбы.

— Надо силком кормить. Только с молоком матери акулёнок сможет впитать любовь и преданность. Другого варианта нет.

Афалина задумчиво оглянулся на сородичей и вздохнул.

— Даже не знаю… У акул и мозг-то маленький — какой там интеллект? Препарировали, знаем.

— Охранники, может, и получатся, но друзья — никогда, — добавил Элиот.

— Об этом вообще не беспокойтесь, — уверенно сказал Никита. — Интеллект появится, вот увидите. Собаки со временем на своих хозяев похожие становятся. Ну, или наоборот… Вот нас с Мирашом вообще не отличишь!

Тут я с хозяином всецело согласился. Слышал я, учёные исследование проводили. Выяснили они, что если человек, умственно неразвитый, с каким-нибудь психическим отклонением, заведёт собаку, пусть даже самую умнейшую породу, то и собака такая же, как он, будет. И умом не возьмёт, и даже некоторые собачьи навыки у неё не разовьются.

Я тут же поделился этим и добавил:

— Природа вас, дельфинов, поэтому умными и создала, чтобы вы смогли акул разумными сделать. У вас обязательно всё получится.

Дельфины одобрительно закивали.

— Ладно, что-то в этом есть… — согласился Афалина. — Акулы ведь очень древние, они миллионы лет вообще не менялись. Но так бесконечно продолжаться не может… Наверно, они уже сами мечтают, чтобы кто-нибудь в них душу вдохнул… А кто, если не мы?

Мы ещё долго о чём-то разговаривали, а потом я проснулся. И долго лежал потрясённый с открытыми глазами. А ещё поразился, какой Никита у меня мудрый не по годам. Не стал всю правду в сочинении рассказывать. Ни в коем случае нельзя никому говорить, что дельфины и собаки умные и тоже говорить умеют! Если бы Никита пробулькнулся, его бы сразу из школы выгнали и в больницу для помешанных положили.

А через месяц мне приснилось, что дельфины уже сами к нам на самолёте прилетели. Чартерным рейсом. Привезли с собой молоденьких акулят. И такие они хорошенькие и потеш-

ные, что мы с Никитой от умиления прямо прослезились. И главное, умные и сообразительные попались, налету всё схватывали.

Поселили мы наших гостей в семейном пруду, который ещё только наполнялся и мы в него даже мальков не запустили. Я лично занялся дрессировкой акулят. Обучал командам и полезным навыкам, но главное, учил быть добрыми и отзывчивыми.

— Будьте добродушны и простодушны, — наставлял я. — Завистники будут смеяться, но вы не обращайте внимания. Кусайтесь только в крайнем случае, когда вашим близким опасность угрожает. И помните, нет большего подвига, чем отдать жизнь за любимых!

Потом ещё снилось, что мы опять с Никитой у дельфинов на море гостили. Акулы уже подросли и стали добрыми и ручными, как дельфины. Они катали нас с Никитой по морю и забавно стучали зубками, выпрашивая рыбку.

— Надо же, — удивлялся Никита, — как настоящие дельфины… как бы и собаки, и лошади, только морские.

Дельфины нас благодарили сильно. Ещё бы, теперь у них свои морские собаки появились, добрые и преданные. Дикие акулы теперь и близко подойти боятся. Только дельфинов с ручными акулами увидят — и сразу в страхе улепётывают. А ещё у наших дельфинов появились грандиозные планы. Они собираются вывести разные породы акул на все случаи жизни — розыскные, охотничьи, пастушьи, декоративные, поводыри и т.д.

А недавно я тревожный сон увидел. Будто Афалина связался со мной по интернету и рассказал, что люди на их добрых акул охоту устроили. И всё из-за того что Мухтар торговца дельфинами покусал, очень уважаемого и богатого человека.

— Понимаешь, они почему-то людей невзлюбили… — виновато говорил Афалина. — Мы их уже и так, и этак вразумить стараемся, а они всё равно в людях опасность видят. Защитить нас стараются.

— Но Никита тоже человек, и акулы его любят, — недоумевал я.

— Никита хороший, а наши только на плохих нападают. Они за версту чуют, что у них руки в крови. А кровь, она никак не смывается.

— Неужели полностью людей загрызают? — ужаснулся я.

— Да нет, только кусают, и то несильно.

— Ну и нечего переживать, — махнул я лапой. — Правильно мы воспитали. Вы лучше подальше в море спрячьтесь. Переждать надо, пока шумиха не уляжется.

Мы ещё поговорили немного, а в конце Афалина попросил, чтобы я хозяину ничего не говорил.

— Ты Никите не рассказывай, а то он переживать будет, — грустно сказал он. — Всё-таки люди пострадали, а он как-никак тоже человек…

Такая вот история. Я знаю, и Никите тоже самое снится. Скоро мы опять на море побываем, с нашими дельфинами и акулами повидаемся. Ну, или пусть они к нам прилетают. У нас пруд большой, места всем хватит.

Вот с тех пор я удивительные сны вижу. Никита что-нибудь интересное расскажет, особенно какую-то невероятную завируху, а мне это потом во сне приходит. В самом красочном и реалистичном видении, как будто мы с хозяином живём ещё в каком-то волшебном параллельном мире, где всё возможно. Теперь я знаю, что у нас с Никитой очень сильная душевная связь, таинственная и загадочная. Как у всех собак со своими хозяевами, наверно.

Моя тёплая шуба

А ещё я странные сны вижу, когда волнуюсь сильно и за свою семью переживаю.

Мне тогда полгода было. Пошли мы с Никитой и нашим другом Сёмой на рыбалку. На Леонтьевскую протоку с ночёвкой. Уже осенние заморозки пошли, и налим стал брать. А налимы редко днём охотятся, им самую глухую тьму подавай, особенно когда луны нет. Они в нашей речке, как поленья; бывает, какое бревно выволочешь, так ни в какой садок не влезает. Разве что на кукан посадить. Отец обещался утром за нами приехать, забрать улов. Сами-то мы, понятно, не донесём столько-то…

К вечеру небо прояснилось. Млечный путь показался, созвездия разные. Жаль, я в них не разбираюсь, узоры прямо завораживающие. Такая красота, что дух захватывает. Никита и Сёма друг с другом соревноваться стали, кто какие созвездия знает. Я только и успевал запоминать. Узнал я тогда, что на каждой звезде такие же планеты есть, как наша. И везде собаки водятся. Всякие разные породы. Может, и коты где есть. Ладно, пускай будут, а то скучно без них.

Одно плохо: похолодало сильно. Потихоньку забереги ледком прихватило. А у нас ни палатки, ни спальников. Мне-то никакой мороз не страшен: шуба тёплая, лохматая, я и в минус сорок не мёрзну. Мне даже хаски завидуют. А парнишки мои только коврики взяли да одеялки лёгонькие. Ну, оделись хорошо — штаны ватные, куртки тёплые, а всё равно не по погоде. Думали, возле костра и так сгодится. Да и не собирались спать — наметили всю ночь налимов из речки выдёргивать.

А налимы эти что-то и не собирались клевать. Уже часов пять прошло, как стемнело, а колокольчики повисли как застывшие, молчат, и хоть бы один дрогнул, затеплил надежду.

Потихоньку моих в сон потянуло. Никита носом клюнул и на коврик повалился. Сёма тоже задремал. Шарфами лица укутали, запахнулись в куртки на все пуговки и к костру жмутся. Я прижался к Никите бочком, чтобы хоть как-то согреть.

Через какое-то время костёр притух совсем, угольки только краснеют. Смотрю, Никита ворочается, мёрзнет, никак согреться не может. Мне бы дровишек в огонь подбросить, но я страсть как этот костёр боюсь. Вот ничем меня не напугать, а огонь побаиваюсь. Природа его мне непонятна. Однажды мне страшный сон приснился. Будто блохи спичками баловались, и на мне шерсть загорелась. Еле-еле успел до речки добежать. Вот и не подхожу я к костру близко, с опаской на него взираю.

Растревожился я сильно: вдруг Никита заболеет, простынет или воспаление лёгких подхватит? Так и колотит от холода, зуб на зуб не попадает! И так я разволновался, что… задремал. И сразу понял, что делать надо. Снял я с себя шубу вместе с хвостом и Никиту накрыл. Пушистый хвост вместо шарфа приладил, шею надёжно прикрыв, где ангина подобраться может. Никита сразу засопел, дрожать перестал, вытянулся в тепле. Сразу же мне легко стало, спокойно.

Сам-то я без всякой одёжи остался — мясо на костях, жиру самая малость. А откуда он, жир этот, возьмётся? Веду активный образ жизни, бегаю с утра до вечера, ношусь как угорелый. Раньше без надобности было, а сейчас жирок бы не помешал. Что и говорить, так меня холодом и пронзило! Чую, околеваю, лапы совсем окоченели. Стал бегать туда-сюда, чтобы согреться, прыгаю в разные стороны. Разминаюсь, одним словом, а сам краем глаза на Никиту поглядываю. Боюсь, проснётся, увидит, что на нём шуба моя, и с испугу её в костёр бросит. Как Иван шкурку Царевны-лягушки. Или просто сонный отпихнёт в сторонку — ну, она и запалится. И как я потом без шубы? В таком виде у меня вообще никаких перспектив в личной жизни.

Вдруг слышу: колокольчик тихонько брякает. Знать, налим попался. Ну, думаю, сейчас как загремит на всю округу, и Никита с дружком точно проснутся. Тут уж размышлять некогда было. Скоренько я шубу на себя накинул и опять к Никите боком прижался. Сразу и колокольчик заголосил как очумелый. Я проснулся и залаял звонко: мол, просыпайтесь скорей, бешеный клёв начался!

Вскочил Никита и к закидушке кинулся, стал леску выбирать.

— Сёма! Большое что-то! — закричал он. — Не могу вытащить! Мираш, не мешай! — это он мне. — Не лезь со своими лапами!

Сёма тоже подбежал, помогать давай. А я вокруг прыгаю, заливаюсь от радости. Налим с метр, наверно, попался, не меньше. Никита его на кукан посадил, а он спокойный такой, рассудительный. Замер на дне, и только жабры чуть шевелятся.

Тут и остальные колокольчики как обезумели! Голосят что есть мочи, трезвонят один за другим, а то и одновременно. Парнишки только и успевают налимов вытаскивать. Не до сна стало. В костёр дрова подкинули, и заполыхал он, озарил окресы.

— Может, зря? — засомневался Сёма. — Всех налимов распугаем.

— Наоборот, хорошо, — важно заверил Никита. — Папа говорил, налимы как завороженные на свет костра идут.

Парнишки мои согрелись, а налимы и правда натиск не ослабили, судаки подошли.

Папа утром приехал, а у нас целая гора налимов, и ещё три больших судака. Каждый килограмма по два, не меньше. Я вокруг важно выхаживаю, искоса с гординкой поглядываю. Вот, думаю, свезло: и рыбы наловили, и здоровье в целости-сохранности. Всё благодаря моим усилиям…

Домой веселёхонько возвращались. Никита с Сёмой, перебивая друг дружку, живо рассказывали про нашу удачную рыбалку, а я смотрел в окно и думал, что нужно достать где-нибудь ещё одну шубу, запасную, и держать её на всякий пожарный случай.

Чудесная исцеляющая сила

После этой рыбалки в моём теле странные изменения случились. Когда холодно, организм в особом режиме работать начинает. От меня такое сильное тепло исходит, что в избе меня вместо печки используют. Меня даже на зимнюю рыбалку боятся брать, если лёд тонкий. И снег, и лёд подо мною сразу таят, и приходится мне менять дислокацию. Однажды засиделся, засмотрелся, как Никита из лунки окуньков выдёргивает, да так и бултыхнулся в воду. Хорошо, хозяин рядом оказался. Подполз по льду и за лапу меня выдернул.

В трескучие морозы меня силком в дом загоняют. Печка в доме, конечно, тоже есть, но её недостаточно. Опять же экономия на дровах и угле. К тому же тепло моё особенное — полезное, исцеляющее, силу человеку даёт. Бывало, протопишь избу, как следует, и уже духота, как в бане. Тогда выпроваживают меня на улицу, чтобы я в коровнике посидел или в курятнике.

Наша корова Пестроня постоянно просит, чтобы я в лютую стужу хоть полчаса рядом с ней побыл. Скучно ей по полгода в коровнике сидеть. В тесноте, в темноте, в холоде да без движения. Вот и захожу по нескольку раз на дню поболтать. Затрагиваем разные темы, благо кругозор у меня широкий. А всё больше о весне мечтаем. Невесёлая у неё жизнь, а когда о хорошем думаешь, всё легче.

Пожалел я как-то Пестроню, а она мне говорит:

— Это ещё что — терпимо. Как подумаешь, каково оленям зимой, лосям, косулям и всем нашим, кто травой питается, даже страшно становится. Снега иной раз по два метра выпадет. Где они там траву находят — я вообще не представляю! Ужас! А морозы какие! За сорок градусов! За пятьдесят! Страшно! А в пургу холод до костей пробирает. Сколько раз слышала — и замерзают, и умирают от голода. Бывает такая зима лютая, что до весны мало кто доживает. О-хо-хо, зиму пережить — не поле перейти. Даже хищников зимой жалко.

Послушал я тогда Пестроню и полюбил её ещё больше. Захотелось ей косточку принести, припрятанную шкурку сала, да вовремя вспомнил, что у нас рационы разные. А ещё мне почему-то вспомнился один странный случай.

Повстречал я как-то зимой знакомую болонку и спрашиваю:

— Что-то давно тебя не видно. Случилось чего?

— Да с хозяином моим плохо. Всё время от него не отхожу.

— А что с ним? — разволновался я.

— Депрессия у него.

Удивился я: что за болезнь такая? Оказалось, это какая-то таинственная хворь, которую никакими анализами выявить нельзя, но люди от неё очень страдают. Сплошь и рядом.

— Разве твой хозяин в холодном тёмном сарае живёт? — сыпал я вопросами. — Его по полгода оттуда не выпускают? Солнца не видит?

— Нет, что ты.

— Неужели на улице живёт, на морозе? — ахнул я.

— Мы в тёплом доме живём. Хорошо у нас, уютно, всё есть.

— Подожди, он что, голодает? Одним сеном питается?

— Да нет, с питанием у нас всё хорошо. Полный холодильник. Деликатесы едим.

— Тогда вообще ничего не понимаю! — растерялся я. — Странно. Я-то думал, у животных зимой самая страшная жизнь, а получается, люди ещё больше мучаются.

— Я сама уже запуталась, — вздохнула моя знакомая. — А как помочь, не знаю, — и пошла, понуро опустив хвост.

У меня сердце сжалось от сострадания. Мы, собаки, постоянно себя виним, если хозяин вдруг упал духом, не в настроении, а уж если заболел — это вообще страшно. Нет ничего

ужаснее для собаки, чем болезнь хозяина. Помню, однажды Никита заболел, так я чуть с ума не сошёл.

В тот раз меня к Никите долго не пускали. Целый час я бегал вокруг дома, места себе не находил. Переволновался — жуть. И скулил, скулил, не переставаючи. Чувствовал, что Никите всё хуже и хуже, и уже страшные картины перед глазами мерещились. Хотел было стекло выбить, чтобы внутрь пробраться, но, к счастью, мама опомнилась и впустила меня в дом.

Подбежал к кровати и вижу: Никита весь такой больной и измождённый. Не мешкая, я на кровать запрыгнул и припал ухом к груди. Слышу, сердце трепещет и тревожно бьётся, хрипы из груди, жар печёт. Никита погладил меня ослабевшей рукой по голове, и у меня слёзы из глаз брызнули. Эх, думаю, не уберёг хозяина своего. Не будет Никиты, и я жить не смогу. И так мне больно и страшно стало!

Вдруг, чувствую, нечто таинственное происходить стало: у Никиты сердце ровней застучало, а у меня перед глазами радужные перья на лазури замелькали, тут же и в сон потянуло. Так и ухнул в дремотную бездну.

Приснилось мне, будто мы уже в больнице. Никита на койке лежит, а я рядом, на коврике. Вокруг нас вирусы и бактерии в белых халатах собрались… Консилиум держат. Решают, какое лечение назначить, чтобы добиться нужного результата…

Самый главный вирус раздумчиво смотрел на Никиту и озадаченно теребил в руках больничную карту.

— Странно, пациент пошёл на поправку, — расстроено сказал он. — Очень даже неожиданно…

— Мы сделали всё возможное, уважаемый профессор, — оправдывалась главная бактерия. — Строго следовали по инструкции.

— Не сомневаюсь. В какой момент началось выздоровление?

Бактерия брезгливо ткнула пальцем в мою сторону.

— Да вот, когда эта псина появилась.

Вирус-профессор посмотрел на меня с нескрываемой неприязнью и выдавил из себя:

— Какой гадкий пёс! Зачем же вы позволили ему находиться рядом с пациентом?

— К несчастью, мы ничего не можем сделать. Между ними очень крепкая таинственная связь. Они всегда вместе, и мы не в силах их разлучить. Из-за этой собаки мы утратили все наши способности.

— Вот оно что… — осенило профессора. — То-то, я чувствую, мне как-то нехорошо. Ну что ж, видимо, здесь мы уже ничего сделать не сможем. Пойдёмте к другим пациентам.

— Думаю, в первую очередь нужно посетить пациентку из пятой палаты, — просунулась какая-то вёрткая бацилла. — Очень лёгкий случай. Злая женщина, и патологически не любит собак.

— Вот как! Да это же здорово! — обрадовался профессор. — Ну что ж, у нас есть прекрасная возможность восстановить силы. Пройдёмте скорее, уважаемые коллеги.

Я проснулся и прислушался, прильнув ухом к груди Никиты. Чувствую, температура спала, дыхание ровнёхонькое, без всяких сиплых звуков и хрипов, сердце бьётся ритмично и весело, выстукивая какую-то удивительную мелодию. Я слушал эту прекрасную музыку и от счастья боялся пошевелиться. И лишь тихие слёзы катились из моих глаз.

После я восстановил хронологию событий и понял, что заболел Никита как раз в тот день, когда с утра меня не похвалил и не погладил. Помню, я тогда сразу забеспокоился, маяться стал сильно: что сделал не так? Старался лишний раз на глаза попасться. И вот Никита заболел… К счастью, я всё-таки успел: Никита погладил меня по шёрстке — и сразу исцелился.

Что и говорить, нет худа без добра. С тех пор я понял, что на мне не только сохранность всего имущества, движимого и недвижимого, но и здоровье семьи. Если человек хоть раз в день собаку погладит, он в этот день не заболеет. Но теперь я не жду, когда меня погладят, а сам решительно забираюсь лапами на грудь. Ведь самое лучшее средство от всех болезней — это профилактика. Пусть это и не видно обычному глазу, но, когда собака счастлива, она в семью здоровье и счастье приносит, удачу приманивает.

С тех пор я болезнь заранее чувствую. Могу даже силой мысли её предотвратить. Теперь бактерии и вирусы нашу семью седьмой дорогой обходят. Боятся. А если какая-то бацилла и проходит случайно мимо нашего дома, то в страхе озирается и ускоряет шаг.

Кимберлитовая трубка

Пошли мы как-то в лес по грибы. После дождей грибов много высыпало, и всяких разных, но мы только белые, рыжики и грузди брали. Вообще-то это Никита с Олесей собирали, а я по лесу бегал и от радости резвился, очень уж меня счастье распирало. Не забывал и запахи изучать разные, а как же.

А ещё мы в лес не просто так приходим. Мы всегда семена разные сажаем — тыквы, кабачков, огурцов, дыни, арбузов… Стоят они копейки, да и какие-то секунды нужны, чтобы семечко зарыть, а для животных это серьёзная подкормка и лакомство.

Грибами я вовсе не интересовался, пока на огромный боровик не наткнулся — шляпа аж со сковородку, а ножка, как чайник! Только без носика. Вокруг глянул — ещё с десяток белых, чуть поменьше. Залаял тотчас, и первой Олеся подбежала. Это одноклассница Никиты, дружат они очень.

Увидела она боровичище и ахнула:

— Ух ты! Вот это да! Какой ты молодец, Мирашка! Вот умница!

Погладила меня по шёрстке и ещё много ласковых слов сказала. А я за похвалу и ласковое слово готов горы свернуть. Взвизгнул я радостно и побежал, задравши хвост, грибы искать.

Белые грибы любой найти может, они на виду растут, а вот по груздям лучше меня грибника нет. Грузди под листвой прячутся, людям их трудно увидеть, а я по запаху определяю. Запах груздя ни с чем не спутаешь, пряный такой, необыкновенный.

И вот забегаю я в березняк — и бьёт мне нос знакомый дух. Ага, думаю, здесь полным полно груздей, самое груздёвое место. Залаял я не мешкая, позвал наших. Тут же несколько груздей из-под листвы лапой поддел: нате, любуйтесь, вот они, красавцы.

В наших лесах грузди особенные — срежешь, и они со временем лиловеть начинают. Они и на засолку годятся, и мариновать. Я грибы, правда, не ем, у меня желудок для них не приспособлен. Но, говорят, вкус необыкновенный, самый деликатес.

— Ну ты, Мирашыч, даёшь! — восхитился Никита. — Ой, да их тут много! Олеся, иди скорей, Мираш прорву груздей нашёл!

Пошёл я челноком вокруг берёз кружить и вывернул груздей неимоверное количество. Сам краем уха слышу, как Никита с Олесей свои корзины наполняют и меня нахваливают. От того совсем в азарт вошёл, никак остановиться не могу. И всё мечтаю: вот бы сейчас ещё и клад найти. По траве шурую, а сам ещё и к камням присматриваюсь. В камнях я тоже разбираюсь. Посчастливилось недавно много интересного о них узнать.

А дело было так. У папы нашего в геологическом музее знакомый сторожем работает. Дядя Петя его зовут. И вот дядя Петя попросил папу и Никиту, чтобы они меня на ночь отпустили музей посторожить. Боялся он, что воры и грабители на музей нападут.

Всю ночь я глаз не сомкнул, по музею ходил и на экспонаты любовался. Особенно мне камни понравились. Так они меня заинтересовали, что я внешний вид и запах каждого камня запомнил. А также все таблички прочитал. Говорить-то я не умею, а читаю очень даже хорошо, бегло могу. Память у меня на особинку, поэтому с лёгкостью всю информацию впитал. Камни знать — всегда полезно. Нашёл, скажем, куприт, значит, здесь меди много, малахит есть, а то и сапфиры с рубинами.

Опытные геологи, которые хорошо в камнях разбираются, могут даже на расстоянии открытие сделать. Слышал я такую историю. Один известный геолог не в тайге, не в горах или ещё где, а у художника в мастерской месторождение нашёл… Увидел он у художника картину странную. На ней скалы в сине-зелёном мареве, а вокруг угнетённая, чахлая растительность, и воздух парит радужным цветом. Он сразу догадался, что в таком месте ртуть должна быть. У геологов на это глаз намётан. Расспросил он художника, и тот подробненько описал место,

координаты дал. Ещё он рассказал, что место это гиблое считается, заколдованное. Никто там долго находиться не может, звери там не водятся и птицы не летают. Человеку сразу плохо становится, бывало, и сознание теряли, многие даже погибли. Геолог ещё больше утвердился, что там залежи ртути. Очень она пагубно на организм действует. Снарядили в те края экспедицию и правда нашли огромные запасы ртутной руды, а вместе с ней и залежи других драгоценных металлов. Даже ртутное озеро обнаружили, самое большое в мире.

И вот занимаюсь я груздями, старательно их из-под листвы выковыриваю и одновременно о россыпях драгоценностей мечтаю — и вдруг на камень наткнулся. Узнал я в нём флогопит. Смотрю, рядом ещё и оливин лежит, с вкраплениями пиропа… Это всё камни, которые в кимберлитовых трубках встречаются. В этих трубках алмазы нарыть можно. У меня аж дыхание от волнения перехватило, лапы подкосились, ватные стали. Присел я на траву, хвост вытянул — пробую дыхание унять, дрожь в лапах усмиряю. Вот, думаю, хозяин обрадуется! Алмазы бешеных денег стоят. Можно будет добрых костей накупить, колбасы хорошей, без сои. Успокоился чуть, взял флогопит в зубы, как самую хрупкую драгоценность, и, осторожно ступая, понёс его Никите.

С трепетом положил камень на траву перед хозяином и предано в глаза уставился.

— Мираш, ты чего это всякие булыжники таскаешь? — насмешливо спросил Никита. — Тебе что, делать нечего?

Я заскулил, лапой в камень тычу: мол, ты приглядись внимательней, разуй глаза, мы на алмазное месторождение напали.

— Мираш, отстань! Лучше грибы собирай, — и вроде уже отвернулся, но вдруг остановился. Поднял камень, равнодушно повертел в руках и в сторону отбросил.

— Я думал, ты хоть красивый камень нашёл, а ты всякую ерунду подбираешь.

Я и вовсе заскулил, обидно мне стало. Всё же лапы не опустил, сбегал и ещё оливин принёс, с вкраплениями пиропа.

— Мираш, чё пристал с этими камнями? Брось ерундой заниматься! Ищи лучше грибы. Я за тобой уже все собрал.

Я не отступаюсь, уж и так, и этак вразумить стараюсь. Никита даже разозлился:

— Да что ты за глупая собака! — и камень-оливин с травы поднял. — Я сейчас этот камень в тебя запущу!

У меня слёзы из глаз дробью брызнули. Заскулил я испуганно и в ближайшие кусты нырнул.

— Ладно, я пошутил, — миролюбиво крикнул Никита и отбросил камень. — Только ты меня больше не зли.

Обревелся я в кустах. Эх, думаю, моя промашка, сам виноват. Недоглядел я, что Никита геологическому ремеслу не обучен, в камнях не разбирается. Упустил я хозяина, упустил…

Очухался я и покорно грибы искать принялся. Вскоре наполнили мы все корзины и рюкзак под завязку набили. Никита и Олеся весёлые и счастливые из березняка вышли. Я плёлся сзади, понуро опустив хвост, и всё оглядывался и оглядывался на то место, где кимберлитовая трубка с алмазами из-под земли торчала.

Портрет

Раньше наша мама в школе живописи училась, у неё там большой талант обнаружили. Потом замуж вышла, дети пошли. Это хозяин мой Никита родился, потом Эля. Семья много времени отнимать стала, однако мама рисовать не забросила. Чуть что, сразу за кисти и палитру хватается.

У нас дома много всяких картин на стенах, больших и маленьких, и всё про природу, про животных. В основном мамины картины. У меня к живописи отношение особенное. Смотришь иной раз на какое-нибудь полотно часами и глаз оторвать не можешь. Чувствуешь, как растёшь духовно и вечность постигаешь.

И вот однажды захотелось мне кровь из носа, чтобы мама меня тоже нарисовала. Стал я с этим к маме приставать, намекал всячески. Подойдёшь, бывало, и начинаешь скулить и на картины головой кивать, лапой тыкать — словом, просишься на холст. А она думает, что я голодный или заболел, ну и плюхнет чего-нибудь в лакушку. И невдомёк маме, что мне духовная пища нужна, а не какая-то там колбаса с буженины. Собаки ведь тоже к прекрасному тянутся. Долго она меня не понимала, пока один случай не вышел.

Никита всегда меня много фотографирует. Очень уж я фотогеничен, камера меня любит. И вот однажды забавный снимок получился, который маме очень понравился. Решила она со снимка картину нарисовать. Ну и в один из дней посадила меня рядом с мольбертом. Тут же фотокарточку прикрепила. Неужели, думаю, дождался? Дыхнуть боюсь. И точно, принялась мама портрет мой писать. Рисует, объятая вдохновением, и то на меня, то на фотокарточку посматривает. А я сижу смирнёхонько, не шелохнусь, аж шея затекла. Ну, думаю, ради искусства и потерпеть можно. Для вечности всё-таки. А внутри всё ликует, бурлит от радости. Такое это счастье — не передать.

Ох и симпатичный я вышел! Особенно глаза удались. Очень они живые получились, добрые такие, преданные, словно таится в них великая загадка, неизбывная грусть, как у Джоконды… А главное, клыки показаны во всей своей красе…

Раз в год мама свои картины в какой-то там галерее выставляет. Папа все картины со стен снимает и в город на машине увозит. И вот в этот раз мою картину на выставку повезли. И надо же было такому случиться, в первый же день её за огромные деньги купили! Чему я, конечно же, нисколько не удивился…

А мама такая радостная домой прибежала — так и сияла от счастья! Давай меня тискать, ласковые слова говорить, холодца мне в миску набухала. Потом всех за семейным столом собрала.

С её слов вот как было. Явился в галерею какой-то дяденька в дорогой одежде и при галстуке, представительный такой, важный. Пошёл вдоль картин — равнодушно взглядом скользит и вроде никакого интереса не проявляет. А тут до моей картины дошёл и вдруг оцепенел, встал как вкопанный. Уставился с выпученными глазами и взгляда оторвать не может, ну, воззрился прямо! Шесть часов так стоял, не шелохнувшись. Потом очнулся, на другие картины мельком взгляд бросил и к маме побежал.

— Прошу вас! — взмолился он. — Продайте мне эту картину! Любые деньги дам!

А мама с самого начала не хотела мою картину продавать. Хотела хотя бы год её подержать. Любое творение, если это, конечно, не профанация вроде «Чёрного квадрата» Малевича, где ни животных, ни растений нет, всегда вылежаться должно: вдруг какой-нибудь мазок добавить нужно или стереть лишнюю чёрточку. Мама и говорит:

— Эта картина не продаётся. Посмотрите вот эту, с котом, — и показывает на картину, где наш кот Ардалион нарисован. Спит он там, а рядом с ним курицы с цыплятами ходят.

Естественно, это безвкусное клише дяденьку заинтересовать не могло. Он даже не взглянул. Заулыбался заискивающе и, сильно волнуясь, принялся объяснять:

— У вашей собаки потрясающе живые глаза. Такое чувство, что это не животное, а некое божество. В картине, несомненно, живёт дух, тайна… Вы не стесняйтесь, назовите любую цену.

Мама растерялась и говорит:

— Нет, извините, даже за сто тысяч не продам! — а сама глаза отвела и думает: «Вот так ляпнула!»

Дяденька, ни слова не говоря, достал пухлую пачку денег, отсчитал миллион рублей и маме протянул.

— Возьмите, пожалуйста, мне эта картина жизненно необходима. Я без неё погибну. А я буду рекомендовать вас другим ценителям живописи. Поверьте, о вас узнают во многих странах.

Ну, мама и сдалась, приняла этот несчастный миллион... Хотя моя картина, как минимум, в тысячу раз больше стоит. Но, что поделаешь, это была первая мамина картина, которую купили. Так и Никита сказал:

— Мам, он потом твою картину за миллиард продаст!

А папа добавил:

— Ты у нас ещё будешь великая художница!

Мама меня потом снова нарисовала. Но вторая картина не такая получилась. Загадки в ней не стало, шарма. Даже не знаю, в чём причина. И фотокарточки были хорошие, и позировал я смирно, старался вовсю, а вот что-то не задалось. Наверное, кот Ардалион сглазил. Из зависти, конечно: его-то картина никому и даром не нужна.

А мама по-другому рассудила. Всё правильно, сказала она, художник не должен повторяться. И не стала эту картину на выставку отправлять. Теперь она у нас в прихожей висит, прямо над моим ковриком.

С тех пор меня ещё лучше кормить стали. В весовом отношении мало что изменилось, зато рацион разнообразнее стал. А ещё я каждый раз, засыпая, думаю: наверное, репродукции по всему миру растиражировали, теперь меня в лицо каждая собака знает.

Любимая корова Пестроня

Мы нашу корову Пестроню летом в стадо наряжаем. Пасётся она на сочной зелёной травке, а потом молоко вкусное приносит. Она самая наша кормилица. От неё зависит благосостояние и здоровье всей семьи. Я лично провожаю Пестроню к своим знакомым, пастушьим собакам, и передаю из лап в лапы. Конечно, я и сам её иногда пасу, но лучше, когда этим занимаются профессионалы.

По дороге я всегда Пестроню спрашиваю, хорошо ли к ней относятся другие коровы, не обижают ли собаки, пастух. Однажды она пожаловалась, что её пастух Говядиной называет. У меня, конечно, сразу шерсть на загривке вздыбилась. Сразу побежал пастуха искать. Ну, думаю, порву в клочья, будет знать, как над нашей коровой смеяться! Но, видно, тот пастух в рубашке родился. Мне по дороге пастушьи собаки попались, и они рассказали, что этот дядя всех коров Говядинами обзывает, ничего личного. Типичное поведение невежественных людей.

Как только я появился в семье, Пестроня вместо молока сливки приносить стала. Жирность двадцать процентов. Другие коровы обзавидовались, конечно, им тоже захотелось отличиться. Ну и принялись за Пестроней подглядывать: какую она травку выбирает, что за режим питания и т.д. Заинтересовались химическим составом молока, соотношением жиров, белков и углеводов. Пристали к самой Пестроне с расспросами, а та только рогами разводит.

— Сама удивляюсь… Ни с того, ни с сего как-то…

Коровы обиделись, ополчились на Пестроню, то толкнут, то рогом подденут. Пришлось мне с каждой коровой по отдельности беседовать. А некоторых, особо непонятливых, вразумил как следует.

Мне, конечно, сливки редко достаются, но я о себе в последнюю очередь беспокоюсь. Для меня главное, чтобы семья сытая и счастливая была. Оттого стал думать, как бы так Пестроню уговорить, чтобы она не только сливки, но и сметану, и сгущёнку производила. Скажем так: утром сливки, в обед сметана, а вечером сгущёнка.

Выслушала корова без всякого энтузиазма и даже обиделась.

— Ну ладно, сливки и сметану — это я ещё смогу, — жалобно промычала она, — а сгущёнку… Она же сладкая должна быть.

— У пчёл мёд тоже сладкий. И ничего, как-то справляются.

Пестроня понурилась, глаза её затуманились.

— Ладно, попробую, — обронила она.

После этого мы дня три от коровы ни молока, ни сливок не видели. А потом принесла она ведро сметаны, а ещё через четыре дня — ведро сгущёнки. Все, конечно, удивились, со всех сторон подбегать стали. С телевидения приехали. Захотели секрет знать. А какой тут секрет? Природный дар. Ну, ещё любовь и внимание родных и близких, что немаловажно. Мое, в частности, непосредственное участие… Хоть Пестроня в сроки не уложилась, а всё же задание моё выполнила.

Узнали о нашей корове и с дальних краёв. Потянулись делегации перенимать опыт. Потом и вовсе приехали какие-то сомнительные личности и большие деньги за нашу корову предложили. А как можно кормилицу продать? Она ведь своя, родная, наша семья.

Только стал я замечать, что эти же подозрительные типы вокруг Пестрони крутятся. Так и подумал, что украсть хотят. Сразу усилил бдительность, с пастбища не отлучаюсь, с коровы глаз не свожу.

Но однажды задремал я под берёзкой на какую-то минуточку, открываю глаза — нет Пестрони. Вскочил как ужаленный, давай носиться по всему полю. Пастух в странном обморочном состоянии спит, да и все пастушьи собаки вповалку валяются, дрыхнут. Видать, снотворного им подсыпали. У коров спрашиваю, и все одно и то же твердят, обиженно и заносчиво: мол, следите за своей уникальной коровой сами… Только одна порядочная корова нашлась, показала направление, в какое Пестроню повели. Тотчас же я и след взял. Кинулся во все лопатки по следам, через горку перемахнул, гляжу, двое воров нашу корову к грузовой машине ведут. Пестроня голову опустила и плачет навзрыд. Воры на неё грубо покрикивают, один даже палкой по спине огрел. У меня от ярости прямо в глазах помутилось, внутри заклокотало, шерсть на загривке вздыбилась. Зарычал я, залаял грозно и с горы на бешеной скорости скатился. Одного вора сходу сшиб и чуть напрочь не загрыз. А другой вор от меня в кабине спрятался. Успел. Кидался я на машину, стекло пытался разбить, да только мордаху повредил. Стекло крепкое оказалось, калёное.

Того вора, что по земле ползал, я по доброте своей собачьей пощадил. Не стал об него клыки марать. Посмотрел ему в глаза, а там испуг и подлое что-то, гадкое. Погавкал я вдоволь, порычал с ненавистью: мол, если ещё раз нашу корову тронешь, не пожалею. Потом отвернулся и гордый весь такой сказал:

— Пойдём, Пестроня. Никто тебя больше не обидит.

Она обрадовалась, повеселела и попросила:

— Можно я ему копытом звездану?

— Оставь… — поморщился я. — Пускай ими правоохранительные органы занимаются.

И пошли мы солнцем палимые назад на пастбище. По дороге я корову немного пожурил.

— Ты почему не кричала, когда они тебя уводили? — строго спросил я.

— Они сказали, что на конкурс красоты повезут.

— И ты поверила? — удивился я.

— Да. Они меня очень хвалили. Восторгались мной.

— Почему же ты плакала возле машины?

— Они мне обещали, что на красивой машине повезут, а тут грязный грузовик без всяких удобств. Как на бойню.

— Понятно…

— Я стала мычать, упираться, и они сразу ругаться стали. Один даже ударил больно.

— Я видел. Эх, кормилица, чужим людям доверять нельзя. Чужие люди в потёмках.

Тут смотрю — коровы нам навстречу бегут. Обступили Пестроню и, перебивая друг дружку, давай рассказывать, как они за неё испугались, переволновались не на шутку, у всех молоко пропало. А я тем временем овчарок распинал и такую им взбучку устроил, что они с тех пор только вокруг нашей коровы кругами ходят, ни на шаг не отступают.

Потом меня злые люди отравить пытались. Колбасу подбрасывали, начинённую сильнейшим ядом. Только я всякий раз начеку был. Тут же зарывал её в землю, чтобы никто не отравился. Но плохие люди, известно, упорные создания, мстительные. Эти воры приходили к нам домой, разговаривали с родителями Никиты. Один жаловался, что я его покусал. А другой якобы свидетелем был. Дескать, я бешеный и меня усыпить нужно. К счастью, всё благополучно разрешилось. Пастух хоть и невменяемый был, а краем глаза видел, как эти двое Пестроню уводили. Теперь воры в нашу деревню и носа не показывают.

Когда всё выяснилось, меня, конечно, похвалили. Наградили вкусной ветчиной и большущей говяжьей костью, которую я три дня грыз. С тех пор я, правда, запретил нашей корове сметану и сгущёнку приносить. От беды подальше. Теперь она сыр и творог производит.

Эволюция

Я долго не понимал, почему природа так долго раскачивалась. Миллионы лет ей понадобилось, чтобы собак создать. Столько потерянного времени… Но по-другому и быть не могло. Природа хотела, чтобы животные сами выбрали, кому из них разумными становиться. В честной борьбе и на соревнованиях. На нашей Земле человек из обезьяны получился, а на какой-нибудь другой планете наверняка — из волков и собак. Во Вселенной мириады разных планет, и нет никакого смысла везде только из обезьян людей лепить. Любой вид животных может разумным стать. Для природы мы все равны, она всех любит, и поэтому во Вселенной всё происходит честно, естественно и без культового выпячивания. Это ещё дедушка Дарвин подметил.

Природа всегда к мнению животных прислушивается. Хотя иной раз выходит абсурд какой-то. Вот, например, с динозаврами промашка вышла. Сильно она их прихотям потакала, а они только крупнее и сильнее хотели быть. Травоядные думали, что больших и сильных не трогают, а хищникам подавай клыки мощнее и удар сильный. И этот гигантизм эволюцию в тупик завёл.

Никита часто о школе говорит, и мне всегда снится, что мы вместе учимся. Я так легко и быстро всю школьную программу преодолел, что стал самих учителей подменять. Какие только предметы я во сне ни преподавал — и основы дрессировки собак, и математику, и алгебру с геометрией, и физику с химией, и, конечно же, русский язык и литературу. Никите я, само собой, только пятёрки ставлю. Даже к доске не вызываю, сразу жирненькую пятёрочку в журнал рисую. Я заметил, ученики все разные. Некоторые тихо себя ведут, а другие всё время меня за хвост дёргают. Есть там один трудный мальчик… Я его пса в школу вызывал. Мы с ним долго лаялись, а потом мне пришлось его даже потрепать маленько. Увы, на поведении мальчика это никак не отразилось.

Однажды на уроке биологии ученики меня спросили, чем собаки от людей отличаются.

Вопрос застал меня врасплох, я даже оторопел.

— Ну… не знаю. — задумался я. — Отличий не так уж много… Внутренне мы абсолютно ничем не отличаемся, только внешне. У нас есть хвосты, а у вас хвостов нет. Ну и вообще строение скелета… У вас коленки вперёд, а у нас назад выпячивают. А ещё мы любить умеем сильнее. Все знают: любовь собаки — самая настоящая. Это, наверное, потому, что у нас души нет…

— А кто сначала появились, травоядные или хищники? — спросила рыжая девочка.

Тут уж я не растерялся:

— Всё разнообразие жизни на Земле появилось благодаря разнообразию характеров. Даже из одного только вида животного может произойти всё что угодно — любые характеры, хищные и мирные. Даже близнецы-братья бывают совершенно разные, один — тихий и добрый, а другой — злой и жестокий. Чем проще и — не люблю это слово — примитивней организм, тем он больше непредсказуем. Поэтому можно сказать, что хищники и травоядные появились одновременно.

— А любые животные могут разумными стать? — спросил пухленький мальчик.

— Любые. Больше всего шансов у всеядных. Ты, я вижу, хорошо питаешься… Но, как ни парадоксально, обычно разумными во Вселенной становятся хищники, которые редко питаются… Лосю, чтобы зимой прокормить свой огромный организм, надо семнадцать часов в сутки кормиться. У них очень низкокалорийная пища. А волк раз поел от пуза — и неделями может не есть. Это время он может посвятить наукам и творчеству, размышлениям о мироздании и смысле бытия… Но самое главное — умные животные стаями живут. А точнее — семьями. Вы, люди, тоже семьями живёте. Вы благодаря любви, дружбе и взаимовыручке

разумными стали. А вот зайцы, например, одиночки. У них даже зайчихи всего недели две с зайчатами нянчатся, а чаще — сразу бросают. О котах и говорить нечего. Коты никогда ни при каких условиях разумными стать не могут!

— Это потому что они одиночки? — спросил светловолосый мальчик в очках.

— Да, и по этому тоже…

— Но ведь львы семьями живут, прайдами…

Я задумался.

— Ну… разве что львы… Они из всех кошачьих самые благородные. У львов даже грива, как у людей, растёт. Если бы им никто не мешал, они бы через миллион лет на двух лапах ходить научились, а там, глядишь, и отстроили бы свою цивилизацию.

Потом мы обратились к теме урока, и я рассказал ученикам о профессоре Павлове.

— Профессор был большой друг собак, — вдохновенно преподавал я. — Он кормил их каждый день парной телятиной, паштетами из печёнки и самыми отборными деликатесами. Но ему всё равно казалось, что собаки голодают. На свою беду, он не понимал собачьего языка и очень переживал по этому поводу. И тогда, чтобы не пропустить момент, когда собаки проголодаются, он им всем просверлил дрелью отверстия в брюшной полости и вставил специальные трубки прямо в желудок. Как только из трубок начинал капать желудочный сок, профессор сразу бежал на кухню, открывал холодильник и, не мешкая, накладывал в миски самую отборную еду. Все ковры и паласы в доме были залиты желудочным соком, а у собак пропал аппетит, так как переваривать пищу было нечем, но зато профессор Павлов открыл важный биологический закон. Потом за это собаке памятник поставили. Ну-ка, Никита, скажи, какой закон открыл профессор Павлов?

— Закон условного и безусловного рефлекса.

— Правильно, садись, пять с плюсом. А ещё был такой профессор Преображенский. Он тоже был большой друг собак. О его дружбе с дворняжкой Шариком прекрасно рассказал Михаил Булгаков в своей повести «Собачье сердце». Профессор Преображенский тоже, увы, не понимал собачьего языка и тоже боялся оставить своего любимого Шарика голодным. Он знал о методе кормления профессора Павлова, но решил пойти ещё дальше. В результате применения различных препаратов и хирургическим путём он сделал из Шарика человека. Да, Шарик действительно превратился в человека, но, увы, ничем хорошим это не закончилось. Собака не смогла жить по жестоким и коварным человеческим законам. Пытаясь как-то приспособиться, Шарик всё больше и больше терял свои прекрасные собачьи качества. Взамен же впитывал пороки и дурные наклонности. В результате он превратился в плохого и ограниченного человека. Пришлось профессору Преображенскому обратно из человека собаку делать.

Я выдержал паузу, вздохнул и подытожил:

— Всё дело в том, дети, что хирургическим путём нельзя получить знания. Только знания облагораживают человека, делают его лучше и наполняют жизнь смыслом. Чтобы получить образование, Шарику нужно было прилежно учиться. А он уже был взрослый и не хотел ходить в школу. Поэтому чтобы стать настоящими людьми, вы должны учиться хорошо, быть умными и образованными. Знания побеждают все страхи и лечат от всех болезней. Чем больше вы будете знать, тем интереснее вам будет жить. Я хочу, чтобы вы все стали большими учёными. Учёные живут очень интересной и увлекательной жизнью. Нет ничего питательней, чем грызть гранит науки. Это как сахарную косточку обгладывать. Из меня, увы, учёного уже не получится: в университет меня не пустили из-за хвоста… А перед вами все дороги открыты. Вы должны сделать мир лучше и добрее. Чтобы не было бездомных собак и котов вообще... Вы можете мне верить: разумом собаки держится мир. Это один очень мудрый человек сказал. Он в древние века жил. А в древние века всегда одну только мудрость говорили…

В следующем сне на уроке литературы опять всплыл профессор Павлов… Мы разбирали второй том «Мёртвых душ» Н.Гоголя — мне чудом удалось спасти сгоревшую рукопись. В девяносто седьмой главе Чичиков приехал на птице-тройке к профессору Павлову в научно-исследовательский институт. Там есть такой отрывок.

— Слышал я, вы опыты на собачках ставите? — спросил Чичиков.

— Что значит опыты? — нахмурился профессор. — Мы вместе работаем над серьёзными научными проблемами.

— Да разве ж я против-с? — расплылся в елейной улыбке Чичиков. — Ставьте на здоровье! Просто я подумал, может, у вас собачки того… есть почившие?

— К сожалению, есть, никак не могу наладить режим питания.

— Печально-с, печально-с… — покачал головой Чичиков. — А вы знаете, отдайте их мне.

— Кого? — опешил профессор Павлов.

— Ну, этих… которые уже умерли-с…

— Так они же мёртвые!

— Ну-с… скажем так, несуществующие… Вам же всё равно приходится за них ревизскую сказку подавать в «Общество Защиты Животных», так ведь? А я согласен на себя взять сие хлопотное предприятие. Мы оформим сделку только на бумаге. От вас нужна сущая безделица…

Профессор Павлов пришёл в сильное волнение и выставил Чичикова за дверь лаборатории, ещё и собак на него спустил. Они порвали ему канифасовые панталоны и забрызгали всего желудочным соком.

Мы детально разобрали эту главу, а потом перешли к чтению стихов. Ученики мне всё время читают стихи о животных, особенно про собак, и я им, естественно, за это пятёрки ставлю. И мне совсем неважно, чтобы от зубов отскакивало, главное, чтобы от сердца шло, из души.

И вот читают школьники стихи, а я глаза прикрыл, улавливая чарующие звуки поэзии, и тут вдруг в класс вошла завуч школы Кривдина Питбульевна, злобная питбульша в наморд-

нике. Раньше она всё время злобно кусала учеников и даже загрызла пятерых насовсем, но начальство из Департамента образования дело замяло. Её оставили на прежней должности, только обязали намордник носить.

— Это чем вы тут занимаетесь? — ехидно спросила она.

— Изучаем второй том «Мёртвых душ» Николая Васильевича Гоголя, — ответил я.

— Не надо меня обманывать! У меня очень чуткий слух. Я из учительской слышала: вы тут стишки читаете!

— Ну да, мы читали стихотворения. И что здесь плохого? Поэзия облагораживает.

— Вы в своём уме? — взвыла завуч. — Гоголь не писал стихов! И если вы будете уходить от школьной программы, мы будем вынуждены с вами расстаться!

— Если хотите знать, Кривдина Питбульевна, — спокойно сказал я, — «Мёртвые души» — это поэма. Гоголь был самым настоящим поэтом.

Питбульша сразу как-то посмякла и заюлила:

— А я и не утверждала, что он не поэт. Я не говорила, что он поэмы не писал, я сказала, что он стихов не писал. А это две большие разницы! И почему это дети у вас улыбаются на уроках? Вы считаете, это нормально?

— Да, это прекрасно, Кривдина Питбульевна. Дети счастливы, — значит, я прививаю доброе, вечное…

— После урока зайдите, Мираш Никитич, пожалуйста, ко мне в кабинет. У нас будет серьёзный разговор, — чеканя каждое слово, сквозь намордник процедила она и обратилась к детям: — А вам, бестолочи недоразвитые, напоминаю в очередной раз: вы в первую очередь должны зубрить заданный материал и не отвлекаться на непонятно что!

Она скрылась за дверью, а я выждал некоторое время, вздохнул и сказал:

— Вот так, дети, даже среди разумных собак попадаются не совсем адекватные особы. Что поделаешь, разнообразие характеров и внутри одного вида должно быть максимально разнообразным. Без этого, наверно, жизнь не может развиваться. К сожалению или к счастью, только так эволюция продолжается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.